

ГБУК НСО «Новосибирская областная юношеская библиотека»

«ОДИН ДЕНЬ ОДНОГО ЗЭКА»

Сценарий к 100-летию со дня рождения
А.И. Солженицына

1. Особлаг (сразу по выходе), 1953 г.

Новосибирск
2017

ББК 74.200.58
О421

<i>Составитель:</i>	Ковалева О.В.
<i>Технический редактор:</i>	Гребенкина О.В.
<i>Ответственный за выпуск:</i>	Терентьева Т.Н.

О421 Один день одного зэка: сценарий к 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына / ГБУК НСО НОЮБ; сост. О.В. Ковалева. – 2-е изд., испр. и доп.– Новосибирск: ГБУК НСО НОЮБ, 2017. – 27 с.

Александр Исаевич Солженицын (11 декабря 1918 г. – 3 августа 2008 г.) – один из немногих русских писателей, удостоенных Нобелевской премии. Предлагаемый материал «Один день одного зэка» посвящен истории создания рассказа «Один день Ивана Денисовича». Своеобразное литературное досье на писателя и его рассказ предназначен для учащихся старших классов и средне-специальных учебных заведений.

ББК 74.200.58

Александр Исаевич Солженицын (11 декабря 1918 г. – 3 августа 2008 г.) – один из немногих русских писателей, удостоенных Нобелевской премии. Огромная боль русского человека за нелегкую судьбу народа, выраженная в яркой художественной форме, потрясающее мужество жертвы террора, не только не сломленного «адской машиной», подобно тысячам других, но и напротив, восставшей в одиночку и восставшей на весь мир; мощный писательский дар, свежесть и колорит языка, которые принес с собой в литературу Солженицын, — все это, вместе взятое, и позволило ему получить столь высокое признание современников. 11 декабря 2018 года известному писателю исполняется 100 лет.

Предлагаемый материал «Один день одного зэка» посвящен истории создания рассказа «Один день Ивана Денисовича». В этом рассказе ярко проявились основные достоинства Солженицына-художника: суровая, ни перед чем не останавливающаяся правда; потолстовски глубокое проникновение в сущность вещей и характеров; вера в человека, убежденность в том, что в самых тяжелых условиях «человек спасается своим человеческим достоинством».

Данный материал — своеобразное литературное досье на писателя и его рассказ, предназначен для учащихся старших классов и средне-специальных учебных заведений.

Для проведения мероприятия достаточно двух ведущих. Оригинальность изложению материала придает аудиозапись комментариев А. Солженицына (желательно мужским голосом) и отрывков из произведения (текст выделен в сценарии курсивом). Это создает иллюзию заочного интервью.

Оформление:

- Портрет А.И. Солженицына.
- Книжная выставка.

Варианты:

- **«...Я стал достоверным летописцем лагерной жизни».**
А. Солженицын.

Цитата: *«Особая, исключительная роль Солженицына в духовной истории страны связана с бескомпромиссным, точным и глубоким освещением страданий людей и преступлений режима, неслыханных по своей массовой жестокости и сокрытости. Эта роль Солженицына очень ярко проявилась уже в его повести «Один день Ивана Денисовича» и теперь в великой книге «Архипелаг ГУЛАГ», перед которой я преклоняюсь».*

А.Д. Сахаров

- **«Один день Ивана Денисовича» как зеркало эпохи ГУЛАГа».**

Цитата: *«Солженицын... является гигантом борьбы за человеческое достоинство в современном трагическом мире».*

А.Д. Сахаров

- **«Голос памяти правдивой».**

Цитата: *«Чем дальше будет жить эта книга среди читателей, тем резче будет выясняться её значение в нашей литературе, тем глубже будем мы сознавать, как необходимо было ей появиться. Повести об Иване Денисовиче Шухове суждена долгая жизнь».*

В.Я. Лакшин, литературный критик

«ОДИН ДЕНЬ ОДНОГО ЗЭКА»

«Внимание, заключенные! В ходу следования соблюдать строгий порядок колонны! Не растягиваться, не набегать, из пятерки в пятерку не переходить, не разговаривать, по сторонам не оглядываться, руки держать только назад! Шаг вправо, шаг влево — считается побег, конвой открывает огонь без предупреждения!

Направляющий, шагом марш!»

Осенью шестьдесят второго журнал «Новый мир» взорвал всю литературную Москву. Вышла повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», одобренная Хрущевым.

Впечатление, произведенное повестью на советских людей, было таким сильным, что её автора, неизвестного провинциального учителя, многие стали называть вторым Толстым.

Было бы, конечно, ошибочно и несправедливо думать, что наша литература не знала крупных, жизненно важных для себя удач. Они появлялись, время от времени, эти книги. Их с шумом принимали, с жаром обсуждали, затем, поставив их на общую полку, зачислив на горячее довольствие читателя, снова возвращались к ожиданию новых книг.

И такая книга неожиданно появилась. Её стали рецензировать до выхода в свет, по типографским оттискам. А еще до оттисков об этой сравнительно небольшой повести в литературных кругах много говорилось. Наконец, это произведение в своем устном варианте обрело и название — «Один день Ивана Денисовича».

Сюжетная основа произведения предельно проста — автор описывает обычный день одного заключенного от подъема до отбоя.

Однако заблуждается тот, кто считает рассказ А. Солженицына произведением исключительно на «лагерную» тему. Художественно воссозданный в произведении день заключенного разрастается до символа целой эпохи.

Ни одна публикация времен «оттепели», да и много лет спустя продолжившей её «перестройки», не имела подобного резонанса и силы воздействия на ход отечественной истории.

Приоткрывшаяся щелка в «совершенно секретный» мир сталинской душегубки не просто раскрыла одну из самых страшных и жгучих тайн XX века. Правда о ГУЛАГе (еще очень маленькая, частная, почти интимная, по сравнению с будущим монолитом «Архипелага»!) показала всему прогрессивному человечеству органическое родство всех отвратительных разновидностей тоталитаризма, будь то гитлеровские «лагеря смерти» (Освенцим, Майданек, Трешлинка) или сталинский Архипелаг ГУЛАГ — те же лагеря смерти, только направленные на истребление собственного народа и осененные коммунистическими лозунгами, лживой пропагандой создания «нового человека» в ходе ожесточенной классовой борьбы и беспощадной «перековки» человека «старого».

Солженицын взялся рассказать о судьбе одного из тех миллионов простых русских людей, кто больше всего пострадал, причем безвинно, от чудовищного государственного произвола.

Шухов, заключенный Щ-854, не просто герой другой литературы, которую представляет данное произведение, он герой другой жизни. Он жил как все, точнее, как жило большинство, — трудно.

«Из дому Шухов ушел двадцать третьего июня сорок первого года, воевал, был ранен, отказался от медсанбата и добровольно вернулся в строй, о чем в лагере не раз сожалел. В феврале 42-го на Северо-Западном фронте армию, в которой он воевал, окружили, многие бойцы попали в плен. Иван Денисович же, пробыв в фашистском плену всего два дня, бежал, вернулся к своим».

Иван Денисович не задумывается над так называемыми проклятыми вопросами: почему так много народа, хорошего и разного, сидит в лагере? В чем причина возникновения лагерей? Да и за что сам сидит — не знает, вроде бы и не пытается осмыслить, что с

ним произошло: «Считается по делу, что Шухов за измену родине сел. И показания он дал, что таки да, он сдался в плен, желая изменить родине, а вернулся из плена потому, что выполнял задание немецкой разведки. Какое ж задание — ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили просто — задание». Единственный раз на протяжении повести Шухов обращается к этому вопросу. Его ответ звучит слишком общо, чтобы быть результатом глубокого анализа: «А я за что сел? За то, что в сорок первом к войне не приготовились, за это? А я при чем?»

Кажется, все в Шухове сосредоточено на одном — только бы выжить: «В контрразведке били Шухова много. И расчет был у Шухова простой: не подпишешь — бушлат деревянный, подпишешь — хоть поживешь еще малость. Подписал». Да и сейчас в лагере Шухов рассчитывает каждый свой шаг. Утро начиналось так: Шухов никогда не просыпал подъема, всегда вставал по нему — до развода было часа полтора времени своего, не казенного, и кто знает лагерную жизнь, всегда может подработать: шить кому-нибудь из старой подкладки чехол на рукавички; богатому бригаднику подать сухие валенки прямо на койку, чтоб ему босиком не топтаться вокруг кучи, не выбирать; или пробежать по каптеркам, где кому надо услужить, подмести или поднести что-нибудь; или в столовую собирать миски со столов ... ». В течение дня Шухов старается быть там, где все: «... надо, чтоб никакой надзиратель тебя в одиночку не видел, а в толпе только». Под телогрейкой у него специальный карманчик пришит, куда кладет сэкономленную пайку хлеба, чтоб съесть не наспех, «наспех еда не еда». Во время работы на ТЭЦ Шухов находит ножовку, за нее «могли дать десяток суток карцера, если бы признали её ножом. Но сапожный ножичек был заработок, был хлеб! Бросать было жалко. И Шухов сунул её в ватную рукавицу». После работы, минуя столовую (!), Иван Денисович бежит в посылочную занять очередь для Цезаря, чтоб Цезарь ... Шухову задолжал». И так — каждый день. Вроде бы живет Шухов одним днем, нет, впрок живет, думает о следующем дне, прикидывает, как его прожить, хотя не уверен, что выпустят в

срок, что не «припаяют» еще десятку. Не уверен Шухов, что выйдет на волю, своих увидит, а живет так, будто уверен.

«Один день...» был призван сделать невидимое видимым, неосязаемое осязаемым, а массы загнанных безымянных зэков превратить в конкретных живых и страдающих людей.

Такое может сделать только человек, переживший все это сам.

На долю Александра Солженицына (родился 11 декабря 1918 г. в Кисловодске) досталось время испытаний. Он никогда не знал отца: выходец из крепкой крестьянской семьи, где все работали своими руками, студент-филолог Исаакий Семенович Солженицын (1891-1918 гг.) в Первую мировую добровольцем ушел на германский фронт, стал подпоручиком-артиллеристом, имел награды, но вернувшись с войны в марте 1918 года, когда фронт уже развалился, вскоре погиб от несчастного случая — за полгода до рождения сына.

Оставшись вдовой после короткого замужества (молодые венчались на фронте в августе 1917) и матерью-одиночкой после рождения сына, Таисия Захаровна Щербак (1894-1944 гг.) познала все мытарства обездоленного существования и «неправильного» социального происхождения: её зажиточные родители, владельцы богатой крестьянской усадьбы, успели дать дочери прекрасное образование, но были разорены революцией и оставили ей в наследство лишь клеймо классовой неблагонадежности.

«Деды мои, и тот и другой – мужики. Совершенно случайно мужицкий род Солженицыных зафиксирован даже документами 1698 года, когда предок мой Филипп пострадал от гнева Петра I, а прапрадеда за бунт сослали из Воронежской губернии на землю Кавказского войска. Здесь, видимо, как бунтаря, в казаки не поверстали, а дали жить на пустующих землях. Были Солженицыны обыкновенные ставропольские крестьяне: в Ставрополье до революции несколько пар быков и лошадей, десяток коров да двести овец никак не считались богатством. Большая семья и работали все своими руками.

А дед по матери пришел из Таврии молодым парнем – пасти овец и батрачить. Начал с гола, а потом стал арендовать землю и к старости, действительно, весьма разбогател. Это был человек редкой энергии и трудолюбия. В пятьдесят своих лет он выдавал стране зерна и шерсти больше, чем многие сегодняшние совхозы и не меньше тех директоров работал. А с рабочими обращался так, что после революции они старика 12 лет до смерти добровольно кормили».

В 1924 году Таисии Захаровне удалось устроиться в Ростове-на-Дону. Как дочь «латифундиста» её никогда не брали на работу в солидные учреждения с хорошей зарплатой, в прочих же конторах подвергали чистке. Зарабатывая кропотливым трудом стенографистки, беря бесконечные сверхурочные, недоедая и недосыпая, она все же старалась отстоять его детство, в котором болезненно сосуществовали Красный Октябрь и Евангелие, пионерские костры и — память об отце — царские ордена, зарытые в землю.

*«Книг еще в сумке я в школу не нашивал,
Буквы нетвердо писала рука,
Мне повторяли преданья домашние,
Я уже слышал шуршание страшное –
Черные крылья ЧК.*

*В играх и радостях детского мира
Слышал я шорох зловещих крыл...
Где-то на хуторе, близ Армавира
Старый затравленный дед мой жил.*

*Начавши с ничего и снова став ничем,
Все потеряв – детей, стада, именья,
Молил смиренья дед, но не было смиренья!*

Бывшего хозяина экономии 12 лет скрывали и кормили его прежние батраки, зато выслеживали и таскали на допросы, требуя золота, чекисты, пока не сгинул он в застенках ГПУ «развалиной оглохшей, с перешибленной спиной в начале 30-х».

Ранней смертью, не дожив и до пятидесяти, умерла мать. Солженицын попадет на её могилу только после лагеря и ссылки.

Но еще до того как пришлось Солженицыну стать солдатом и эком, он счастливо избежал «социальной профилактики», успел закончить среднюю школу и поступить на физико-математический факультет Ростовского университета, а по его окончании поступить в Институт философии, литературы и истории.

Начав войну смешным неумехой — ездовым «лошадиной роты», прошел трудный военный путь от рядового до комбата звуковой разведки и от Орла до Восточной Пруссии, получил боевые награды за личный героизм.

За неосторожные слова в письмах к школьному другу в июле 1945 года Солженицын был осужден на 8 лет лагерей и вечную ссылку за антисоветскую агитацию с попыткой создания антисоветской организации.

«До ареста я много не понимал. Неосмысленно тянул я в литературу, плохо зная, зачем это мне и зачем литературе. Изнывал лишь от того, что трудно, мол, свежие темы находить для рассказов. Страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы), если б меня не посадили».

И Солженицын буквально взрывается творчеством. Тюрма и лагерь парадоксально вызволили тот дар, который бился в нем с самой ранней юности и которому он собирался посвятить жизнь. Освободился дар не писательства, а сочинительства, которое, не имея выхода ни в стол, ни просто на бумагу, рвало сердце, теснило память, приговаривалось к немоте и загонялось обратно в воспаленный мозг.

Вечное сосредоточение в самом себе — состояние жизненно необходимое для литературного занятия. Обращенность на себя в

условиях тюремно-лагерных — лучший способ убегания от горькой действительности, опробованный еще узником Омского острога Достоевским. Так же как и его знаменитая «тетрадка каторжная», лагерное сочинительство Солженицына было невидимым, но прочным щитом, владение которым преображало мрачную реальность. Ибо зэк, который терпит безмерные унижения и лишения, и тот же зэк, который упорно копит впечатления, запоминает, и, когда повезет, тайно записывает, — два принципиально разных существа.

«С ареста же, года за два тюремно-лагерной жизни, изнывая уже под грудами тем, принял я как дыхание, понял как все неоспоримое, что видят глаза: не только меня никто печатать не будет, но строчка единая мне обойдется ценою в голову...

С пожизненным молчанием смирился я как с пожизненной невозможностью освободить ноги от земной тяжести. И вещь за вещью, кончая то в лагере, то в ссылке, то уже реабилитированным, сперва стихи, потом пьесы, потом и прозу, я одно только лелеял: как сохранить их в тайне и с ними самого себя.

Для этого в лагере пришлось мне стихи заучивать наизусть — многие тысячи строк. Под конец лагерного срока, поверивши в силу памяти, я стал писать и заучивать диалоги в прозе, маленько и сплошную прозу. Память вбирала! Шло. Но больше и больше уходило времени на ежемесячное повторение всего объема заученного — уже неделя в месяц.

Тут началась ссылка и тотчас же в начале ссылки — проступили метастазы рака. Осенью 1953 года очень было похоже, что я доживаю последние месяцы. В декабре подтвердили врачи, ссыльные ребята, что жить мне осталось не больше трех недель.

Грозило погаснуть с моей головой и все мое лагерное заучивание.

Это был страшный момент в моей жизни: смерть на пороге освобождения и гибель всего написанного, всего смысла прожитого до сих пор.

Это последние обещанные врачами недели мне не избежать было работать в школе, но вечерами и ночами, бессонными от болей, я торопился мелко-мелко записывать и скручивал листы по нескольку в трубочку и трубочки наталкивал в бутылку из-под шампанского, у неё горлышко широкое. Бутылку я закопал в своем огороде – и под новый, 1954 год поехал умирать в Ташкент.

Однако я не умер. Той весной в Коп-Тереке, оживающий, пьяный от возврата жизни (может быть на 2-3 года только?) в угаре радости я написал «Республику труда» – эту я уже не пробовал и заучивать, это первая была вещь, над которой я узнал счастье: не сжигать отрывок за отрывком, едва знаешь наизусть; иметь неуничтоженным начало, пока не напишешь конец и обозреть всю пьесу сразу, и переписать из редакции в редакцию, и проверить, и еще переписать»

После реабилитации Солженицын переехал в Рязань. Директор школы №2 А. Матвеев отстоял перед «райкомами» нового преподавателя, бывшего фронтовика и тюремного поднадзорного: Солженицыну разрешили учить детей.

«Это было очень нелегко! Как будто не кончалась ссылка, не кончился лагерь, как будто все те же номера на мне, нисколько не поднята голова, нисколько не разогнута спина, и каждый погон надо мной начальник. Все негодование могло уkipеть только в очередную книгу, а этого тоже нельзя, потому что закон поэзии – быть выше своего гнева и воспринимать суцее с точки зрения вечности».

Вечность требовала от него ни на минуту не прекращать работы над его сверхзадачей. И опять писать приходилось тайно, закапывая бутылки, набитые листами в огороде, скрывая свои занятия от коллег по школе, от знакомых, от соседей по маленькому деревянному дому, на фасаде которого сегодня висит мемориальная доска.

«Двенадцать лет я спокойно писал и писал. Лишь на тринадцатом дрогнул. Это было лето 1960 года. От написанных многих вещей – и при полной их безвыходности, я стал ощущать переполнение, потерял легкость замысла и движения. В литературном подполье мне стало не хватать воздуха.

Мыкаясь в своей норе и слабея, стал я изобретать: не могу ли я все-таки что-нибудь такое написать, что пусть нельзя будет печатать, но хоть показывать людям можно! хоть не надо прятать! Я взял «Щ-854» и перепечатал облегченно, опуская наиболее резкие места и суждения и длинный рассказ кавторанга Цезарю о том, как дурили американцев в Севастополе 1945 года нашим подставным благополучием. Сделал зачем-то – и положил. Но положил уже открыто, не пряча. Это было очень радостное освобожденное состояние! – не ломать голову, куда прятать новозаконченную вещь, а держать её просто в столе – счастье, плохо ценимое писателями. Ведь никогда я не ложился, не проверив, все ли спрятано и как вести себя, если ночью постучат. Я уставал уже от конспирации, она задавала мне задачи головоломнее, чем само писательство. Но никакого облегчения ни с какой стороны не предвиделось. Уж никак было не предвидеть ту внезапную залиvistую яростную атаку на Сталина, которую назначит Хрущев XXII съезду. Давно я не помнил такого интересного чтения, как речи на XXII съезде! В маленькой комнатке деревянного прогнившего дома, где все мои многолетние рукописи могли сгореть от одной несчастной спички, я читал, читал эти речи – и стены моего затаенного мира заколебались как занавеси театральных кулис: да не пришел ли долгожданный страшный радостный момент – тот миг, когда я должен высунуть макушку из-под воды?

Я не смел ошибиться! Нельзя было высунуться прежде времени. Но и пропустить редкого мига тоже было нельзя!»

После перенесенных страданий — войны, ареста, лагерей, смертельной болезни, писания в огонь и в тайник — главный замысел требовал нового испытания с непредсказуемым исходом.

Неотвратимо предстояло крещение публичностью и профессиональной средой, то есть обнаружение писателя перед читателем и критикой. Шанс пробиться в столичную легальную литературу был для провинциального учителя и человека без имени один на миллион.

Но та вещь, которую следовало отдать в люди, должна была иметь заряд такой убедительной нравственной силы, что могла пробить даже самое заскорузлое сердце. Текст, предназначенный для дебюта, должен был отличаться огранкой самой высокой пробы — ибо ему предстояло победить или, провалившись, исчезнуть.

И такая вещь у Солженицына была. Переданный в «Новый мир» легендарный рассказ «Один день Ивана Денисовича».

«Верная догадка — предчувствие у меня в том и была. К этому мужику Ивану Денисовичу не могут остаться равнодушными верхний мужик – Александр Твардовский и верховный мужик Никита Хрущев. Так и сбылось: даже не поэзия и даже не политика решили судьбу моего рассказа, а вот эта его dokonная мужицкая суть, столь у нас осмеянная, потоптанная и охаянная с Великого перелома да и поранее».

Несколько ответов Александра Исаевича Солженицына на вопросы, предложенные журналистами.

Как вы думаете, если бы не Твардовский, возможно ли было издание повести каким-нибудь другим путем?

«Для того чтобы её напечатать в Советском Союзе, нужно было стечение совершенно невероятных обстоятельств и исключительных личностей. Совершенно ясно, если бы Твардовского не было как главного редактора журнала – нет, повесть эта не была бы напечатана. Но я добавлю. И если бы не было Хрущева в тот момент – тоже не была бы напечатана. И еще больше: если бы Хрущев именно в этот момент не атаковал Сталина еще один раз – тоже бы не была напечатана. Напечатание моей повести в

Советском Союзе, в 62-м году, подобно явлению против физических законов.... Это невозможно, это совершенно невозможно. Система была так устроена, и за 45 лет она не выпустила ничего, и вдруг вот такой прорыв. Да, и Твардовский, и Хрущев, и момент – все должны были собраться вместе. Конечно, я мог потом отослать за границу и напечатать, но теперь, по реакции западных социалистов, видно: если б её напечатали на Западе, да эти самые социалисты говорили бы: все ложь, ничего этого не было. Только потому у всех отнялись языки, что это напечатано с разрешения ЦК в Москве, вот это потрясло».

Почему же все-таки Твардовский, как Вы вышли на него?

«Он хорошо выступил на XXII съезде, и такая у него была нотка, что давно можно печатать смелее и свободнее, а «мы не используем». Такая нотка, что просто нет у «Нового мира» вещей посмелее и поострее, а то бы он мог.

И я – решился. Вот тут и сгодился неизвестно для какой цели «облегченный», «Щ-854». Я решился подать его в «Новый мир».

Сам я в «Новый мир» не пошел: просто ноги не тянулись, не предвидя успеха. Мне было 43 года, и достаточно я уже колотился на свете, чтоб идти в редакцию начинающим мальчиком. Мой тюремный друг Лев Копелев взялся передать рукопись».

«Ничего подобного давно не читал. Хороший, чистый, большой талант. Ни капли фальши». Это самое первое впечатление А. Твардовского, который прочитал рукопись «Одного дня Ивана Денисовича» ночью, в один присест, не отрываясь. А при личном знакомстве с автором редактор «Нового мира» сказал: «Вы написали отличную вещь. Не знаю, в каких школах вы учились, но пришли совершенно сформировавшимся писателем. Нам не приходится вас не учить, не воспитывать».

А Солженицыну, одному из многих тысяч, судьба подарила исключительную честь: рассказывать об изобретении арестантского телеграфа – «внимание, память и встречи», сформировать

универсальную заповедь зэка: «Пусть будет путевым мешком твоим твоя память. Запоминай! Запоминай! Только эти горячие семена, может быть, когда-нибудь и тронутся в рост», сложить гимн памяти – единственной значке, где только и можно держать написанное, проносить его сквозь обыски и этапы.

Невозможно обойтись и без другого признания писателя – о том, как вознаграждала зэка-сочинителя тайная литературная работа, помогая не замечать даже телесной немощи.

«Иногда в покуренной колонне, под крики автоматчиков, я испытывал такой напор строк и образов, будто несло меня над колонной по воздуху скорей туда, на объект, где-нибудь в уголке записать. В такие минуты я был и свободен, и счастлив».

Писатель, более всего скрывающий факт своего писательства и свою причастность к тайне, находился будто в долгом, далеком, не обнаруживаемом побеге.

*«Кто Россию в трусости обносит
Паутиной проволоки и вахт,
Тех исправит только пушек посвист
Да разрывов бессердечный кряхт.
И сквозь тысячи тюремных унижений
Я солдатом чувствую себя».*

Автор всех приведенных в сценарии стихов — А.И. Солженицын)

«Иван Денисович» оказал огромное влияние на общественное сознание целого поколения советских людей. Оказала ли повесть влияние на дальнейшее развитие русской литературы?

«Мне трудно, самому автору, говорить о прямых влияниях, о косвенных влияниях повести.

Но дело в том, что свободной обстановки для того, чтобы проявилось влияние, не было. Быстро задавили «Ивана Денисовича» и

меня, а потом изъяли его из всех библиотек. И растут следующие не только читательские, но литературные поколения, не читавшие его. Не дали возможности, не дали времени ему проработаться».

Время и место действия – зима 1950-1951... Экибастузский особый лагерь. Как родилась идея написать повесть, которую вы упорно называете рассказом?

«Как это родилась? Просто был такой лагерный день, тяжелая работа, я таскал носилки с напарником и подумал, как нужно бы описать весь лагерный мир — одним днем.

Конечно можно описать все свои десять лет лагеря, так всю историю лагерей, – а достаточно в одном дне все собрать, как по осколочкам, достаточно описать только один день одного среднего, ничем не примечательного человека с утра и до вечера... Родилась у меня мысль в 52-м году...»

А когда появился сам рассказ?

«В 59-м году однажды я думаю: кажется, я уже мог бы сейчас эту идею применить. Попробую-ка я написать один день одного зэка. Сел – и как полилось! со страшным напряжением! Потому что в тебе концентрируется сразу много этих дней. И только чтоб чего-нибудь не пропустить. Я невероятно быстро написал «Один день Ивана Денисовича», за месяц с небольшим».

В начале рассказ назывался «Щ-854. Один день одного зэка». Как родилось новое название?

«Заглавие Александр Трифонович Твардовский предложил. Вот это нынешнее заглавие. И очень хорошо предложил. Так это хорошо легло».

В центре произведения А. Солженицына — образ простого русского человека, сумевшего выжить и нравственно выстоять в жесточайших условиях лагерной неволи.

Существует ли прототип Ивана Денисовича или это собирательный образ?

«Ивана Денисовича я с самого начала так понимал, что не должен он быть такой, как вот я, и не какой-нибудь развитой особенно, это должен быть самый рядовой лагерник.

Мне Твардовский потом говорил: если бы я поставил героем, например, Цезаря Марковича, ну там какого-нибудь интеллигента, устроенного как-то в конторе, то четверти бы цены той не было. Нет, он должен был быть самый средний солдат этого ГУЛАГа, тот, на кого все сыпется. И хотя я знал, конечно, десятки и даже сотни простых лагерников, но когда я взялся писать, то почувствовал, что не могу ни на ком остановиться одним, потому что он не выражает достаточно, отдельный, один. И так сам стал стягиваться собирательный образ. Странным образом, героя я взял фамилию и наружность – своего солдата из батареи, вовсе не зэка, он никогда в лагере не сидел, Шухов, был у меня такой солдат. А биографию я уже брал от других, и все события жизни еще от третьих, от четвертых. Иногда собирательный образ выходит даже ярче, чем индивидуальный».

Одна из кульминационных сцен рассказа – развернутое описание 104 бригады на строительстве лагерной ТЭЦ. Эта сцена дает возможность глубже постичь характер главного героя. Иван Денисович, вопреки усилиям лагерной системы превратить его в раба, который трудится ради «пайки» и из страха наказания, сумел остаться свободным человеком. Он работает не только для того, чтобы бригаде не урезали и без того скудный паек. Шухов ощущает радость мастерства, настоящее вдохновение, пробуждающее в этом голодном и оборванном зэке человеческую гордость. Иван Денисович забывает о том, что он заключенный и ощущает себя мастером, хорошо сделавшим дело. Даже безнадежно опаздывая на вахту, рискуя попасть за это в карцер, герой останавливается и еще раз с гордостью осматривает сделанную им работу.

«Я вообще не выжил бы в лагере, этих условий я не мог пережить, потому что не было у меня ручной специальности высокого класса в начале. Я выжил благодаря тому, что меня взяли на четыре года в научно-исследовательский институт для заключенных. Значит, мне пришлось очень тяжело первый год заключения...»

Но уже был проблеск, что осталось три года – не так много – и я выучился на каменщика. Почему я и Ивану Денисовичу даю эту профессию – я сам клал вот так же кирпичи. Я сам, в этих же условиях, увлекался в иные минуты, чтобы выложить стену ровнее и сделать работы большие. А Иван Денисович, у которого нет другого интереса, кроме работы, если он не будет увлекаться, он духовно погибнет. Для него вот это увлечение рабской работой есть отстояние самого себя. Это – удивительная вещь. А кстати, эта сцена потом оказалась ключом к тому, что Хрущев разрешил печатание повести. Они, наверху, подумали, что таким образом прославляется социалистический труд».

Были ли при публикации сделаны купюры и внесены изменения в текст?

«Сам Твардовский не был расположен ничего менять. Но разумом редакция понимала, что надо бороться за то, чтоб обстричь когти, смягчить текст, и его заместитель Дементьев на заседании редакции произвел большую на меня атаку, он требовал многое снимать, например, разговор с баптистом весь снять, религию всю снять. А я настолько не добивался этой печати, я уже писал до этого больше десяти лет и молчал уже сорок лет с лишним, я им сказал: «Знаете, не подходит – не печатайте. Я могу еще лет десять помолчать, ничего не случится». И так, собственно говоря, вся его серьезная атака отлетела, ничего они не добились, были мелкие пожелания от того рецензента Хрущева, который все это проводил, чтобы там снять лишнюю брань на конвой — ну это я снял».

Читатели приветствовали появление в литературе нового замечательного таланта. Вот что писал Солженицыну Варлам Шаламов: «Дорогой Александр Исаевич! Я две ночи не спал – читал повесть, перечитывал, вспоминал... Повесть – как стихи! В ней все целесообразно. Каждая строка, каждая сцена, каждая характеристика настолько лаконичны, умны, точны и глубоки, что, я думаю, «Новый мир» с самого начала своего существования ничего столь цельного, столь сильного не печатал».

«Небольшая повесть — и как просторно стало в нашей литературе! Нормы, выработанные и узаконенные для литературы культом личности, окончательно рухнули с появлением повести А. Солженицына. Мы свыклись с тем, что биография нашего героя имеет свои границы, обозначенные законом. Мы кончали главу судебным приговором, начинали новую вместе с появлением героя из тюремных ворот, в меж этими двумя главами красовался банальный вензель издательского художника, и было невдомек ни нам, ни художнику, что там, за решеткой наш герой продолжает свою жизнь мужественно, честно, с достоинством. Мы верили, может быть верили недостаточно, что придет художник и меж этими двумя главами допишет недостающую главу, которую требует не только композиция вещи, но сама жизнь, сама истина».

Иван Друзь

*«Между армиями, партиями, актами проводят.
Ту черту, что доброе от злого отличает дело,
А она — она по сердцу каждого проходит,
Линия раздела».*

Что происходило с рассказом после публикации в «Новом мире»?

«Отдельные издания рассказа вышли в «Советском писателе» (тираж 100 тыс. экз.), и в «Роман-газете» (тираж 700 тыс. экз.). С

1971 г. все издания изымались из библиотек и уничтожались по негласной партийной инструкции.

Только одно меня утешает, что ни от какой клеветы я инфаркта не получу никогда, потому что закаляли меня в сталинских лагерях».

*Нам желтая зона, слепя фонарями
Лгала, что померкла Вселенная звезд,—
Но тех же Плеяд озаренье над нами,
Того же Стрельца полыхающий грозд».*

С 1990 года издание рассказа в России возобновлено.

Как вы относитесь к своему первенцу?

«Он сделал очень большую, тяжелую работу, прорыв в Советском Союзе – раз, и потом он в моей биографии сыграл ту большую роль, что он помог написать «Архипелаг». Из-за того, что я напечатал «Ивана Денисовича», в короткие месяцы, пока меня еще не начали гнать, сотни людей стали писать ко мне письма, а некоторые и приезжать, рассказывать еще. И так я собрал неопиcуемый материал, который в Советском Союзе и собрать нельзя – только благодаря «Ивану Денисовичу». Так что он стал как бы пьедесталом для «Архипелага ГУЛАГа».

Я многие годы писал безо всякой надежды напечататься. Если бы не было чуда с «Иваном Денисовичем», — это просто чудо, что Твардовский мог убедить Хрущева напечатать «Ивана Денисовича», – я представлял свою жизнь так: буду писать до самой смерти, вот так вот, все напишу и умру.

А когда-нибудь все опубликуют. А благодаря «Ивану Денисовичу»... .. Иван Денисович – это маленькая капелька, разве эта вся правда? – а сколько она имеет последствий!

Если бы Хрущев думал и знал, что я напишу такой «Архипелаг», или что я уже пишу историю революции, он бы не напечатал «Ивана Денисовича». Хрущев действовал «совершенно бессознательно, ему нужен был «Иван Денисович» в тот момент, когда с Китаем он спорил о Сталине».

Никаких надежд с «Иваном Денисовичем» я не имел; и моя публичность продолжалась два месяца всего. В ноябре напечатали «Ивана Денисовича», в январе «Матренин двор», и «Кочетовку». И все, а дальше стали меня травить».

Вы предвидели, что станете объектом суровых осуждений?

«Вы знаете, вот именно так и понимал, то есть – что хорошо, если полгода у меня есть, потом оказалось – два месяца. Что мне будут сворачивать шею – я это знал и нисколько не был упоен тем, что меня восхваляет все пресса, я в это не верил».

4 ноября 1969 года Рязанское отделение Союза писателей исключило Александра Исаевича Солженицына из Союза писателей. Лишенный возможности легально жить и работать в Рязани и в Москве, Солженицын находит приют в подмосковном поселке Жуковка, на даче виолончелиста М. Ростроповича, где и застаёт писателя объявление Нобелевского комитета о присуждении ему Нобелевской премии по литературе за 1970 год. В ответной телеграмме Шведской Академии Солженицын писал: «Рассматриваю Нобелевскую премию как дань русской литературе и нашей трудной истории».

Писателю предложили в дальнейшем побольше «смягчать» и вообще не вдаваться в никому не нужные подробности». В ответ на его отказ уже подготовленные к печати «Раковой корпус» и «В круге первом» были объявлены запрещенными, Солженицын — арестован, затем лишен гражданства и выслан из страны.

К своему пребыванию в Америке Александр Исаевич отнесся как к очередному этапу ГУЛАГА: внешняя, чужая жизнь его нисколько не занимала. Боль, мысли, язык, работа – абсолютно все в нем было связано с оставленной Россией.

И он вернулся в неё — через четверть века.

*«Пусть вглуби нас обиды сгорят в перегной,
А наружу мы бросим — побеги живые!»—*

*И тогда лишь всплывет над усталой страной
Долгожданное солнце России».*

Цитировать повесть Солженицына как-то неловко. Это известный теперь нам «Один день Ивана Денисовича» до того уплотнен, так взаимосвязан, начиная с чугунного звона рельсы и до отбоя, что как-то неправомерно выхватить один миг и не упоминать остальных, соседствовавших с ним. Другое дело мысли Ивана Денисовича, которые посещали его в течение всего дня, мысли, только формально связанные с действием.

Сердце Ивана Денисовича никогда не бывает глухо к чувству. В этом созданном людьми аду он сохранил нравственную независимость и человеческое достоинство, а потому несмотря ни на что остался свободным человеком.

«Засыпал Шухов вполне удовлетворенный. На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый.

Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов — три дня лишних набавлялось».

Список использованной литературы

1. Гулак, А.Т. Служение реальности: о формах повествования в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» [Текст] / А.Т. Гулак // Русская речь. – 2006. – №1. – С. 39-48.
2. Друцэ, Ион. О мужестве и достоинстве человека [Текст] : (рецензия на повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича», написанная в 1962 г.) / Ион Друцэ // Дружба народов. – 1999. – №1. – С. 198-200.
3. Николсон, М. Иван Денисович: мифы происхождения [Текст] / М. Николсон // Континент. – 2003. – №4. – С. 408-429.
4. Островский, А. Солженицын. Прощание с мифом [Текст] / А. Островский. – Москва: Яуза, Пресском, 2004. – 736 с.
5. Солженицын, А.И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни [Текст] / А.И. Солженицын // Новый мир. – 1991. – № 6, 7, 8, 11, 12.
6. Солженицын, А.И. Интервью для радио Би-Би-Си [Текст] / А.И. Солженицын // Звезда. – 1995. – № 11. – С. 3-7.
7. Солженицын, А. И. Рассказы. Крохотки. Раковый корпус. Нобелевская лекция [Текст] / А.И. Солженицын. – Москва: Слово/slovo, 2001. – 688 с.
8. Солженицына, Н.Д. 40 лет как Один день Ивана Денисовича: Именно с этой книги началось постепенное исчезновение архипелага ГУЛАГ [Текст] / Н.Д. Солженицына // Российская газета. – 2002. – №219. – С. 1,3.
9. Темпест, Р. Геометрия Ада: поэтика пространства и времени в повести «Один день Ивана Денисовича» [Текст] / Р. Темпест // Звезда. – 1998. – № 12. — С. 128-135.
10. Урманов, А.В. Творчество Александра Солженицына: учеб. пособие [Текст] / А.В. Урманов. — Москва: Флинта, Наука, 2003. – 384 с.
11. Шнейберг, Л.Я. От Горького до Солженицына: пособие по литературе для поступающих в вуз [Текст] / Л.Я. Шнейберг. – Москва: Высшая школа, 1994. – 287 с.

Список рекомендованной литературы

1. Басинский, П. 50 лет «Ивана Денисовича». Ровно полвека назад вышел номер «Нового мира» с повестью, изменившей сознание страны [Текст] / П. Басинский, П. Зайцев // Российская газета. — 2012. — № 265 (16 ноября). — С. 1-9.
2. Бушин, В. Неизвестный Солженицын. Гений первого плевка [Текст] / В. Бушин . — (Гении и злодеи). — Москва: Алгоритм ; ЭКСМО, 2010. — 560 с.
3. Голованевский, А.Л. Диалоги в романе А.И. Солженицына «В круге первом» [Текст] / А.Л. Голованевский, К.В. Коваленко. — (Язык художественной литературы) // Русская речь. — 2009. — №5. — С. 44-48.
4. Дударев, А. «Экзорцист русской души»: христианское служение А.И. Солженицына [Текст] / А. Дударев // Сибирские огни. — 2008. — №10. — С. 123-162.
5. Живой: Современники об Александре Солженицыне // Литература. — 2008. — №22 (16 ноября - 30 ноября). — С. 35-38.
6. Княжицкий, А. Материалы к изучению рассказа А.И. Солженицына «Матренин двор» на уроках литературы [Текст] / А. Княжицкий // Русская словесность. — 2008. — №5. — С. 36-40.
7. Комяти, Д. Мифологическая картина мира в повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: попытка исследования [Текст] / Д. Комяти; предисл. автора. — (Разнообразие слога) // Юность. — 2015. — №1. — С. 72-81.
8. Корсаков, Д. Кто спалил Матренин двор? [Текст] / Д. Корсаков // Комсомольская правда. — 2013. — № 4. — С. 11.
9. Лакшин, В.Я. Солженицын и колесо истории [Текст] / В.Я. Лакшин; сост. С. Н. Кайдаш-Лакшина. — Москва: Вече; АЗЪ, 2008. — 464 с.
10. Левицкая, Г. Александр Солженицын: жизнь и творчество : семинар-конференция [Текст] / Г. Левицкая, С. Кононова // Литература в школе. — 2008. — №2. — С. 27-30.
11. Левицкий, С.А. Этика Солженицына [Текст] / С.А. Левицкий. — (Наследие) // Юность. — 2011. — №1. — С. 101-107.
12. Левушкина, О.Н. Символика в рассказе А.И. Солженицына «Способ двигаться» [Текст] / О.Н. Левушкина. — (Загадки текста) // Русский язык в школе. — 2009. — №10. — 51-54. — Библиогр.: С. 54.

13. Любомудров, А.М. Солженицын: к 90-летию со дня рождения [Текст] / А.М. Любомудров, А.И. Академик. — (Хроника) // Русская литература. — 2009. — №4. — С. 226-230.
14. Митрохин, Н. Воспоминания работников аппарата ЦК КПСС об Александре Солженицыне: фрагменты интервью [Текст] / Николай Митрохин. — (Микроуровень идеологического конфликта) // Новое литературное обозрение. — 2012. — №3. — С. 106-123.
15. Немзер, А.С. «Красное колесо» Александра Солженицына. Опыт прочтения [Текст] / А.С. Немзер. — Москва: Время, 2010. — 368 с. — (Диалог).
16. Платек, Я. Гомер своего времени: Музыка на Архипелаге: К 90-летию со дня рождения А. Солженицына [Текст] / Я. Платек // Музыкальная жизнь. — 2008. — № 12. — С. 16-19.
17. Российские учителя и ученики читают Александра Солженицына: [подборка статей] [Текст] // Литература. — 2010. — №2. — С. 4-39.
18. Россинская, С. Александр Солженицын. «По всем кузням исходил, а не кован воротился» [Текст] / С. Россинская. — (Великие мира сего) // Ваша библиотека. — 2014. — №7/8. — С. 20-35.
19. Савельев, И. Эта проза – живой организм: к девяностолетию со дня рождения Александра Исаевича Солженицына [Текст] / И. Савельев // Новый мир. — 2008. — №12. — С. 171-176.
20. Сараскина, Л.И. Фронтальная судьба Александра Солженицына [Текст] / Л.И. Сараскина. — (Школа сражается) («Альманах Победы») // Народное образование. — 2010. — №4. — С. 59-64.
21. Скарлыгина, Е. Солженицын и третья русская эмиграция [Текст] / Е. Скарлыгина: (к вопросу об одной монографии) / Е. Скарлыгина. — (Книги, о которых спорят) // Вопросы литературы. — 2009. — №2. — С. 381-405.
22. Солженицын, А.И. «Надо вступаться за Россию, а то затравят нас вконец». Что писал и говорил Александр Солженицын о Западе на Западе / А.И. Солженицын // Российская газета. — 2014. — №223 (1 октября). — С. 9.
23. Солженицына, Н.Д. Школьный учитель Александр Исаевич Солженицын [Текст] / Н.Д. Солженицына. — (Личность) // Математика в школе. — 2009. — №10. — С. 3-14 : ил.
24. Темпест, Р. Александр Солженицын – (анти) модернист [Текст] / Р. Темпест; пер. с англ. Александра Скидана. — (Александр Солженицын:

- с другого берега) // Новое литературное обозрение. — 2010. — №3. — С. 246-263.
25. Чайковская, И. Александр Солженицын с близкого и дальнего расстояния [Текст] : (размышления над книгой Бенедикта Сарнова) / И. Чайковская. — (Правда художественная и историческая) (Петербургский книговик) // Нева. — 2016. — №1. — С. 212-218.
26. Чалмаев, В.А. Александр Солженицын в жизни и творчестве [Текст] Глава VI. Окаменелая наша слеза («Архипелаг ГУЛАГ» — чаша страданий, трагическая страница истории) / В.А. Чалмаев — (Наши духовные ценности) // Литература в школе. — 2012. — №1. — С. 5-11.
27. Чалмаев, В.А. Александр Солженицын в жизни и творчестве [Текст] / В.А. Чалмаев. — (Наши духовные ценности) // Литература в школе. — 2011. — №5. — С. 9-14.
28. Чалмаев, В.А. Александр Солженицын в жизни и творчестве [Текст]. Глава II. Александр Солженицын в 30-е годы / В.А. Чалмаев — (Наши духовные ценности) // Литература в школе. — 2011. — №6. — С. 16-20.
29. Чалмаев, В.А. Александр Солженицын в жизни и творчестве [Текст]. Глава III. Война — путь самопознания. Арест и конец двоемыслия / В.А. Чалмаев — (Наши духовные ценности) // Литература в школе. — 2011. — №7. — С. 7-11.
30. Чалмаев, В.А. Александр Солженицын в жизни и творчестве [Текст]. Глава IV. Энергия восхождения писателя / В.А. Чалмаев. — (Наши духовные ценности) // Литература в школе. — 2011. — №8. — С. 15-19.
31. Чуковская, Л. Счастливая духовная встреча: О Солженицыне [Текст] / Л. Чуковская // Новый мир. — 2008. — №9. — С. 70-138.
32. Широкова, Л. Проблема нравственного выбора в рассказе А.И. Солженицына «Молодняк» [Текст] / Л. Широкова // Литература в школе. — 2008. — №2. — С. 30-32.
33. Яржембовский, С.Ю. Пророк и его отечество. К 90-летию Александра Солженицына [Текст] / С.Ю. Яржембовский // Звезда. — 2008. — №12. — С. 70-74.